

из избранных книг, которые Уайльд любил перечитывать, оказавшись впоследствии в тюрьме, были «Записки из Мертвого дома».

Рассказ Новиковой о Достоевском, обещанный Уайльду, мог быть действительно чрезвычайно любопытным, если вспомнить, что именно она была непосредственной участницей передачи рукописи Пушкинской речи М. Н. Каткову для публикации в «Московских ведомостях». Получил ли Уайльд рассказ Новиковой, неизвестно; и если таковой существует, не исключено, что в нем могут оказаться и подробности истории с ложными слухами о смерти Достоевского в 1875 г., на основании которых Рольстоном был написан прижизненный некролог писателя и критический обзор его произведений, положивший начало славе Достоевского в Англии.

П. Е. ФОКИН

«А БЕДА ВАША ВСЯ В ТОМ, ЧТО ВАМ ЭТО НЕВЕРОЯТНО...»

(Достоевский и Солженицын)

1

Достоевского в XX в. читали по-всякому. С благоговейным трепетом и с дрожью отвращения, как реалиста и как мистика, сквозь призму академической науки и с помощью языка других видов искусств. Его осмысляли, его исследовали, его интерпретировали, с ним «вступали в диалог», спорили, его «развенчивали» и опровергали. Некоторые даже демонстративно не читали, чтобы не тратить «попусту» время. Но удивительно, среди миллионов читателей, среди сотен тысяч почитателей Достоевского нашелся лишь один *последователь* его. Это — Александр Солженицын.

2

Влияния Достоевского в XX в. не избежал никто. Его цитировали прямо и опосредованно, его брали в союзники и защитники, его использовали как оружие, порой ему просто подражали или, напротив, пародировали.

Художественный мир Достоевского, при всей его специфичности и «фантастичности», оказался настолько универсален, что практически каждый читатель находил в нем свое место, более того, вся окружающая действительность укладывалась в систему его координат (вне зависимости от политических, экономических и даже — в Японии, например, — религиозных устоев общества, к которому принадлежал читатель). Мир *после* Достоевского стал восприниматься как *мир Достоевского*. Люди стали персонажами.

Раскольниковы, Свидригайловы, Разумихины, Мармеладовы, Сони, Катерины Ивановны, Настасья Филипповны, Рогожины, Ипполиты, Лебедевы, генералы Епанчины, Ставрогины, Верховенские, Шатовы, Кирилловы, Иваны, Мити, Алеши Карамазовы, Федоры Павловичи, Смердяковы, Грушеньки, Ракитины, Версиловы, Смешные, Парадоксалисты сотнями, тысячами, сотнями тысяч объявились по всем странам и континентам. Десятками проросли Великие Инквизиторы и старцы Зосимы. Были и Мышкины, единично, но были. И лишь один образ, казалось, никогда и нигде не найдет своего реального воплощения в XX в. — образ Автора. Сегодня с неоспоримой ясностью видно, что и на это место вакансия закрыта. Сколько ни листай академический тридцатитомник Достоевского, другого образа, столь же адекватно выражающего суть личности Солженицына, в нем нет.

Удивительно, но Солженицын буквально в точности повторил и жизненный путь Достоевского, пройдя по его следам. В детстве — трагическая гибель отца (правда, у Солженицына еще до рождения). В молодости — увлечение «социалистическими идеями»: «В восемнадцать лет молодой Солженицын уверен, что он обновит нашу идею и наше понимание русской революции, обновит ленинизм, скажет новое слово».¹ Негуманитарная специализация на ступени профессионального образования и одновременная тяга к писательскому труду: Достоевский после окончания Инженерного училища тут же подает в отставку и принимается за роман; Солженицын, будучи студентом физико-математического факультета Ростовского университета, поступает на заочное отделение Московского института истории, философии и литературы. По-разному сложилась военная карьера писателей, но оба прошли эту школу. Затем — политическое инакомыслие (с роковым участием *письма*), арест, следствие, ожидание приговора, каторга, ссылка, болезнь. В 1945-м — в год ареста — Солженицыну столько же лет, сколько Достоевскому в 1848-м, когда он находится под следствием в Петропавловской крепости, — 27 лет. «Классический возраст „заговорщика“, по Достоевскому».² Наконец, возвращение из преисподней с новым, очищенным и ясным, видением мира — в свете евангельской Истины и с задачей — развеять тьму мировой лжи.

Литературный дебют Достоевского состоялся, в возрастном отношении, раньше, но появлению первого произведения Солженицына сопутствовали столь же громкая слава, успех и признание. В центре внимания обоих дебютантов — судьба «маленького», обыкновенного человека. Макар Девушкин и Иван Шухов — при всем различии их облика — фигуры одного калибра. А потом обращение к крупным эпическим формам. О типологической близости «Записок из Мертвого дома» и «Архипелага ГУЛАГ» говорилось бесчисленное количество раз. И здесь уже не случайное совпадение, а сознательный жест. Но более всего близок Солженицын к Достоевскому в своей публицистике, в ее пафосе и задаче — изгнание бесов из России. И за эту публицистику Солженицына самого изгоняют из отечества. Но ведь именно за

¹ Нива Ж. Солженицын. М., 1992. С. 35.

² Сараскина Л. И. «Бесы»: роман-предупреждение. М., 1990. С. 15.

«Бесов» и публицистику «Дневника писателя» был «изгнан» из духовной жизни россиян в XX в. и Достоевский. И оба вернулись в новую Россию.

Удивительным образом «рифмуются» и личные, семейные отношения писателей.

3

Все совпадения — случайны. Но на языке совпадений говорит Судьба. Солженицын повторил путь Достоевского и — *продолжил* его. Сегодня Солженицын, дай Бог ему здоровья, уже на 18 лет *старше* Достоевского. И здесь — подсказка. В замысле Творца Солженицыну отведена роль именно *продолжателя*, а может быть, и *завершителя* того, что Достоевский *не успел и, возможно, не мог* сделать.

«...через большое *горнило сомнений* моя *осанна* прошла...» — признавался Достоевский (27, 86). Эта «Осанна» стала главным *итогом* и *подвигом* его жизни. Больших душевных усилий и подлинного человеческого мужества стоило Достоевскому устоять против «соблазнов века»: экономических, социальных, философских аргументов и фактов научного мировоззрения, столь зримых и материально весомых. «Вы чувствуете, — писал в 1863 г. Достоевский в «Зимних заметках о летних впечатлениях», рассказывая о Лондонской всемирной выставке, — что много надо вековечного духовного отпора и отрицания, чтоб не поддаться, не подчиниться впечатлению, не поклониться факту и не обоготворить Ваала, то есть не принять существующего за свой идеал...» (5, 70).

Посвистывая марксистским свистком, стучал по рельсам естественнаучных открытий паровоз XIX в., и езда в нем была так покойна, комфортна и развлекательна. Само путешествие было столь приятным и поучительным, что мало кто из пассажиров, получивших эту возможность прокатиться в свое удовольствие, задавался вопросом, что же ждет в конце пути. Да что там — в конце пути! Большинство, увлеченное игрушками прогресса и просвещения, не замечало того, что происходит с каждым из них. Человечество вырождалось, полагая, что вступило на путь процветания. Разум восторжествовал над Сердцем, и homo sapiens стал превращаться в animal sapience. В «Зимних заметках о летних впечатлениях» Достоевский воплотил эту мысль в сатирических образах «брибри» и «мабишь» — «птички» и «козочки», как называют уже сами себя и друг друга супруги-буржуа. Но на каждую птичку всегда найдется своя кошка, а каждую козочку поджидает свой волк. Такова оборотная сторона медали. Мир, провозгласивший в качестве главной цели человеческое благополучие, перестал быть человеческим миром.

Достоевский одним из первых заговорил о порочности и бесчеловечности гуманистической философии, к середине XIX в. окончательно отряхнувшей со своего платья последний налет средневековой духовности и даже уже вытершей ноги о половичок атеизма. Соприкоснувшись в каторге с миром реальных убийц, Достоевский с ужасом

обнаружил их *духовное превосходство* над благополучным и сытым миром убийц метафизических, поставивших Науку на место Бога. Угрюмые, безобразные, пьяные острожники были более человечными, чем веселые, миловидные, трезвые поборники «прогрессивных идей»: во мраке и глухоте своих душ несли «отверженные» свою скорбь отпадения от Бога, сознавая всю мерзость своего зверства. Здесь была дикость, но не было безразличия. Науке же было все равно, она отрелась от живого слова и превознесла мертвые слова. Наука воевала с Богом и одновременно воевала с человеком, сотворенным по Образу и Подобию. Убийство Бога неизбежно ведет к самоубийству человека, и, наоборот, воскрешение человека начинается с воскрешения Бога — этот сюжет стал главным для Достоевского и последовательно реализован художником в судьбе каждого персонажа.

«Осанна» Достоевского прозвучала в самый трагический момент истории человечества и отозвалась согласным хором в душах его читателей. «Осанна» Достоевского новым светом засияла в словах и делах Солженицына. Она дала ему силу, волю и смирение. Солженицын безоговорочно принял всю *систему взглядов* Достоевского. Он признал истинность и ценность его *методологии*, его подхода к действительности: «вне науки» (25, 17), «со Христом, нежели с истиной», даже «если б кто мне доказал, что Христос вне истины, и *действительно* было бы, что истина вне Христа» (28₁, 176).

В XX в. признать эту методологию единственно верной было еще труднее, чем в середине XIX. «В двадцатом веке стало почти смешно говорить „добро“ и „зло“. Это стали почти какие-то старомодные понятия», — отмечал в речи в Вашингтоне перед представителями профсоюза АФТ—КПП 30 июня 1975 г. Солженицын и заявлял: «А это очень реальные понятия, понятия высшей сферы над нами — добро и зло».³ Отвечая на многочисленные упреки в свой адрес по поводу жесткости своих позиций, Солженицын в статье «Наши плюралисты» писал: «А истина, а правда во всем мировом течении одна — Божья, и все-то мы, кто и неосознанно, жаждем именно к ней приблизиться, прикоснуться. Многообразие мнений имеет смысл, если, прежде всего сравнением, искать свои ошибки и отказываться от них. Искать все же — „как надо“. Искать истинные взгляды на вещи, приближаться к Божьей истине, а не просто набирать как можно больше „разных“» (с. 408). Но Солженицын не только признал методологию Достоевского единственно верной, но и стал последовательно ее применять — и в своем художественном творчестве, и в публицистике.

Христианское мировоззрение, рассматривающее земную жизнь человека как особый, *подготовительный* этап бытия души, по природе своей *футурологично*, и вполне естественно, что заданный им вектор размышлений обоих русских писателей — будущее человечества, а православная форма этого мировоззрения сделала необходимым в качестве центрального вопрос о роли России и русского народа в грядущих судьбах человечества. Но никакая футурология невозможна

³ Солженицын А. И. Публицистика: В 3 т. Ярославль, 1995. Т. 1. С. 253. Далее ссылки на это издание в тексте с указанием страниц.

без понимания истории и сегодняшнего дня. Между Достоевским и Солженицыным пролегло столетие. То, что являлось первому в смутных провидческих образах, второму предстало в конкретике повседневной действительности. В обоих случаях Бытие требовало своего истолкования: различие исходного материала определило различие приемов, *инструментария*, но не методологии. Достоевский и Солженицын *дополняют и объясняют* друг друга.

В отличие от Солженицына, Достоевский никогда с такой страстью, увлеченностью и профессионализмом не занимался исследованием отечественной истории. И, как известно, не написал не только ни одного исторического романа, но даже и рассказа. Тем не менее Достоевский с большим интересом относился к достижениям современной ему исторической науки, был в курсе основных концепций и споров вокруг них.

Деятельность Солженицына как продолжателя и последователя Достоевского проясняет с провиденциальной точки зрения причину и смысл такого отношения автора «Великого Инквизитора» к истории. Перед Достоевским стояла задача не накопления и приращения исторических знаний, что с успехом делали такие его современники, как С. М. Соловьев, Н. И. Костомаров, И. Е. Забелин, и не распутывания исторических «узлов», тогда еще лишь обозначавшихся. Ему предназначено было выработать принципы интерпретации этих знаний. Заметим, что почти в это же время формировалась и марксистская концепция истории. В определенном смысле историософские воззрения Достоевского были как бы ответом марксизму. Как и Маркс, Достоевский рассматривал историю как средство постижения будущего, но, в отличие от немецкого философа, искал в ней не *закономерности*, а *свидетельства* исполнения Великого Предсказания, данного человечеству в Откровении Иоанна Богослова.

Как «какое-то пророчество из Апокалипсиса, в очию совершающееся» (5, 70), понимает современную действительность и Солженицын. Уже в «Письме к вождям Советского Союза» 1977 г. Солженицын, на языке материалистической идеологии, единственно доступном «вождям», опираясь на расчеты ученых, предупреждает о близком физическом конце человечества — между 2020 и 2070 гг. В Гарвардской речи 1978 г. Солженицын обозначит все в более откровенных словах: «Не когда-то наступит, а уже идет — физическая, духовная, космическая! — борьба за нашу планету. В свое решающее наступление уже идет и давит мировое Зло» (с. 320). Завершая это выступление, Солженицын, очевидно учитывая специфику аудитории — студенческую молодежь, «переводит» свое мистическое заявление на язык исторической науки: «Если не к гибели, то мир подошел сейчас к повороту истории, по значению равному повороту от Средних Веков к Возрождению, — и потребует от нас духовной вспышки, подъема на новую высоту обзора, на новый уровень жизни (...). Этот подъем подобен восхождению на следующую антропологическую ступень. И ни у кого на Земле не осталось другого выхода, как — вверх» (с. 328).

Для Достоевского и Солженицына, в отличие от многочисленных предрекателей «конца света», Апокалипсис вовсе не является финалом. Они оба знают, что вослед многочисленным бедам и страданиям, после страшной и мучительной битвы с мировым Злом наступит новый «золотой век», рай установится на Земле, и уже вовеки. Мистическое переживание реалий человеческой истории и современности позволяет обоим писателям определить и главное препятствие на пути к новому раю. Если Иисус Христос есть воплощенная Истина, то Его главный враг и враг всего человечества антихрист есть воплощенная ложь. Не только и не столько та ложь, которая искажает факты, ложь внешняя, публичная, сколько та, что заставляет человека искаженные факты принимать за истинные, ложь внутренняя, интимная. Как эта ложь проникает в человека, как им овладевает и как ее пересилить — этот круг вопросов всю жизнь мучал Достоевского, и он всю силу своего гения направил на исследование, выявление и обнажение механизма самообмана. Солженицын увенчал этот поиск Достоевского нравственным императивом: «Жить не по лжи!».

Фактически формула «Жить не по лжи!» могла бы стать эпиграфом к «Дневнику писателя» 1876—1877 гг. Достоевского. Весь текст этого уникального публицистического произведения направлен против всяческого проявления лжи, «фальши». Слово «фальшь» — одно из самых употребляемых Достоевским. Он и начинает свой «Дневник» со слов негодования по поводу повсеместно и бесстыдно творимой лжи: «...Хлестаков, по крайней мере, врал-врал у городничего, но всё же капельку боялся, что вот его возьмут, да и вытолкают из гостиной. Современные Хлестаковы ничего не боятся и врут с полным спокойствием» (22, 5). Это — *первые* слова «Дневника писателя». Тема «современных Хлестаковых» сохранится на протяжении всего издания. Достоевский будет разоблачать фальшь современного ему «случайного семейства», «педагогички облегчения», положения женщины в русском обществе, фальшь отношения дворянства и просвещенного общества к народу, к народному движению во время войны на Балканах 1877 г., фальшь барского заявления «я сам народ», фальшь идеологии «обобщения», современного либерализма, атеизма, молодежного нигилизма, фальшь нового судопроизводства, суда присяжных, фальшь в понимании роли литературы, в оценке творчества Пушкина, Толстого, Некрасова, фальшь интерпретации его собственных эстетических и политических позиций, фактов его биографии и творчества. Все художественные фрагменты «Дневника» — «Мальчик у Христа на елке», «Столетняя», «Мужик Марей», «Кроткая», «Сон смешного человека» — о том же: как «пелена вдруг упала» (24, 26).

Но слова «фальшь», «врать», «пелена», которые употребляет Достоевский, эмоционально менее выразительны, чем «ложь», «лгать», и мало кто из читателей «Дневника» воспринял эту его тему как главную.

Публицистический шедевр А. И. Солженицына «Жить не по лжи!» замечательным образом созвучен другому маленькому шедевру отечественной публицистики — небольшой статье Достоевского в «Дневнике писателя» 1876 г. «Золотой век в кармане». Два этих небольших текста составляют своеобразный *диптих*.

В первой части, у Достоевского, *предчувствуется* путь обновления и восстановления человеческой личности, то «восхождение на следующую антропологическую ступень», о которой говорил Солженицын в Гарварде. Все еще видится пока лишь как в дымке, и самому почти не верится, «фантастическая и донельзя дикая мысль» (22, 12), но открытие, что золотой век — рядом, «в кармане», уже все преобразило. Стоя среди гостей рождественского бала, где «все в новых костюмах, и никто не умеет носить костюм; все веселятся, и никто не весел; все самолюбивы, и никто не умеет себя показать; все завистливы, и все молчат и сторонятся», где «даже танцевать не умеют» (Там же), автор «Дневника» вдруг озаряется мыслью: что «если б все эти милые и почтенные гости захотели, хоть на миг один, стать искренними и простодушными, — во что бы обратилась тогда вдруг эта душная зала? <...> Что если б каждый из них вдруг узнал, сколько заключено в нем прямоты, честности, самой искренней сердечной веселости, чистоты, великодушных чувств, добрых желаний, ума, — куда ума! — остроумия самого тонкого, самого общительного, и это в каждом, решительно в каждом из них!» (Там же). Воодушевляясь, Достоевский переходит на прямое, хотя и мысленное, обращение к гостям. Перенесенное на страницы «Дневника писателя», это мысленное обращение получает куда большую аудиторию, оно перерастает границы той «душной залы», в которой оно родилось, и становится обращением ко *всем*. Писатель даже забывает закрыть кавычки прямой речи — внутренний монолог становится публицистическим воззванием: «Стать искренними и простодушными». Но это и есть: «Жить не по лжи».

«Вы смеетесь, вам невероятно? — заканчивает свою статью Достоевский. — Рад, что вас рассмешил, и, однако же, всё, что я сейчас навоскличал, не парадокс, а совершенная правда... А беда ваша в том, что вам это невероятно» (22, 13). Но откуда же такая уверенность у самого автора? Он-то из-за чего все это «сейчас навоскличал»? Давно, еще в годы каторги, Достоевский открыл для себя одну удивительную вещь, что человек, как и сказано, создан по Образу и Подобию, и эти Образ и Подобие живут в человеке *всегда*, даже в самых невероятных условиях, и как бы ни был искажен лик человека, нужно верить в возможность восстановления в нем Образа и Подобия. Тогда он сделал это открытие применительно лишь к падшим, «отверженным», «несчастливым». Сейчас ему открылся универсальный смысл тех давних прозрений: что применимо к каторжнику, то применимо и к великосветскому генералу. И возрадовался: «Золотой век в кармане!». Тем более все из того же каторжного опыта зная, что восстановление Образа и Подобия происходит неожиданно, «вдруг».

«Вдруг» — любимое слово Достоевского. Но это «вдруг» не просто «неожиданность», не «случайность» или «стечение обстоятельств». Это «вдруг» — «откровение», «прозрение» и «раскаяние». «Вдруг» у Достоевского не обыкновенное наречие. Это почти «символ веры». Оно наделено глубоким мистическим смыслом. Не случайно Достоевский так любил некрасовского «Власа», рассказывающего о судьбе грешника, вдруг прозревшего, вдруг покаявшегося. «Вдруг» Достоевского — это поцелуй Христа в «бескровные девяностолетние уста» Великого Инквизитора. И *это* «вдруг» трижды звучит в монологе автора «Золотого века в кармане», сразу после слов: «стать искренними и простодушными».

Достоевский не случайно «навосклидал». Он ведь действительно открыл путь универсального преобразования мира, его пересоздания из мира Апокалипсиса в мир Золотого века, изобрел тот порох, которым человечество выиграет битву с антихристом. Но... опять у Достоевского не нашлось четких и убедительных слов. Ему дано было *увидеть* и *показать*, но не дано было *назвать* и *исполнить*. Лишь сто лет спустя, в 1974 г., Солженицыну дано будет сделать адекватный «перевод» этого прозрения Достоевского на язык социологии. В речи по случаю вручения ему премии «Золотое клише» наконец-то прозвучало: «Если и суждены нам впереди революции спасительные, то они должны быть революциями *нравственными*, то есть неким новым феноменом, который нам предстоит еще открыть, разглядеть и осуществить» (с. 198). «Вдруг», которое так любил Достоевский, и есть «революция нравственная», революция нравственности. Именно «революция» — скачкообразное, закономерное, но всегда неожиданное преобразование действительности, ее качественное обновление вдруг.

Во второй части диптиха, у Солженицына, предчувствия Достоевского переводятся на язык *практического действия*. У Достоевского — откровение, у Солженицына — программа действий. С первого взгляда может показаться, что знаменитая формула «не через меня» (с. 189), предложенная Солженицыным как орудие борьбы с ложью, маломощна. Смущает *отрицательная* частица «не», смущает *единственное* число личного местоимения. Но на самом деле формула эта обладает колоссальной силой, стоит лишь раз применить ее на практике. Достаточно один раз не принять лжи, чтобы понять, что и молчание в присутствии лжи — тоже ложь. И тогда, чтобы «жить не по лжи», в присутствии лжи необходимо ее разоблачать, говорить правду. Но раз сказавши правду, человек чувствует, что и этого недостаточно, что нужно не только говорить, но и *противодействовать* лжи. Однако противодействие лжи невозможно без созидания правды. Жить не по лжи — в *конечном счете* означает жить по правде.

Отрицательная формула содержит в себе огромную положительную силу — силу Добротворения. Добро же не творится в пустоте, оно направлено к людям, оно заражает своей красотой и силой других. Добро можно творить в одиночку, но единственное число в деле Добротворения не означает одиночества.

Жить не по лжи — и есть «революция нравственная».

Жить не по лжи — и «Золотой век в кармане».